«ДЕЛО ГУБЕРНАТОРА И. А. ТОЛСТОГО»:

архивное расследование

Исследовательский интерес к событиям Казанской губернской администрации 1819-1820 гг. не затухает до сих пор[1]. Во многом это обусловлено известностью фамилии основного фигуранта. Лев Николаевич Толстой приходился внуком казанскому гражданскому губернатору Илье Андреевичу Толстому, правление которого ревизовалось в 1819 г. Изучая родословную великого писателя, историки и литературоведы XX в. постоянно упоминали о «злоупотреблениях» его деда, ссылаясь на сведения из отчетов сенаторов-ревизоров. Прочтение этих документов, собранных с целью доказать вину, сформировало у читателя формальное, одностороннее представление о казанских событиях того времени. В этой связи Н. П. Загоскин выражал сожаление, что не сумел в публикациях о «казанском разгроме» задействовать материалы столичных архивов. Позднее часть документов была введена в научный оборот Н. Дубровиным[2]. Однако и ему не удалось выйти за пределы обличительной предопределенности используемых однотипных источников. Чтобы разобраться в «деле губернатора Толстого», необходимо было собрать и проанализировать многочисленные следственные материалы с 1820 по 1827 г., а также вынесенные сенатские приговоры.

Мои архивные изыскания выстраивались в соответствии с логикой прохождения и «оседания» делопроизводственных документов в различных судебных инстанциях. Сенатские проверки назначал сам император при непосредственном участии Сената и министра юстиции. Их правовая основа прописывалась в специальных инструкциях. Сбор материалов производился строго в соответствии с пунктами данного документа. Безусловно, в своей деятельности сенаторы следовали не только предписаниям и инструкциям. Как правило, они тщательно знакомились с положением дел на местах. Итоги ревизий отражались в их отчетах, подаваемых лично царю. С учреждением министерств данные отчетов после прочтения императором поступали на обсуждение в Комитет министров. Одновременно посылались рапорты об исполнении ревизии в Сенат. Каких-либо форм отчетности или особого порядка их проведения не существовало. В первое десятилетие XIX в. отчеты направлялись в I Департамент Сената и обсуждались на его общем собрании. С 1805 г. сенаторы получили право переписки по возникшим вопросам с министрами юстиции, внутренних дел, финансов, народного просвещения и т. д. Переписка ревизоров с местными властями отложилась в бумагах канцелярий губернаторов. В итоге делопроизводственные материалы ревизий оказались рассредоточены в архивах Сената, Комитета министров, различных министерств, местных учреждений и в личных архивах сенаторов-ревизоров. Чтобы соединить эти источники в единый исторический комплекс, были использованы фонды Российского государственного исторического архива (Санкт-Петербург), Государственного архива Рос-

сийской Федерации (Москва), Национального архива Республики Татарстан (Казань). Архив министерства юстиции в интересуемый нас период оказался совершенно выхолощенным. Его описи пестрят пустотами постраничных штампов о выбытии дел, но по счастливому стечению обстоятельств в НА РТ оказалась коллекция следственных дел I Департамента Сената с 1799 по 1840 г.

Сохранившийся локальный осколок сенатского архива предоставил возможность реконструировать ход событий до и после назначения ревизии, проследить завершение расследования до вынесения окончательного приговора Сената. В общей сложности в столичном и местном архивах было подробно изучено более 40 архивных дел[3]. Этот делопроизводственный нарратив состоит из многочисленных рапортов, прошений, донесений, жалоб, отношений, ведомственной переписки. За всей этой грудой бумаг стоят многочисленные должностные лица, подследственные и просто свидетели — одни в поисках истины, другие в поисках выгоды. Отделить одно от другого подчас, как и в жизни, очень трудно. Нерасторопность и медлительность судопроизводства того времени растянули производство дела на семь долгих лет.

Для начала восстановим сюжетную канву событий. На заседании Комитета министров 8 июля 1819 г. граф А. А. Аракчеев зачитал донесение казанского губернского предводителя дворянства статского советника Г. Н. Киселева о злоупотреблениях местного начальства в уездах Казанской губернии по дорожному сбору. К доносу прилагалась записка с распоряжениями губернского начальства, из которой следовало, что мосты строятся чрез подрядчиков и это чрезвычайно дорого, завышаются расценки на установку придорожных столбов и т. д.[4] Комитет министров испросил высочайшее повеление на командирование в Казань двух сенаторов — тайных советников С. С. Кушникова и графа П. Л. Санти для проверки изложенного. 12 октября 1819 г. начался осмотр губернии, и только через десять дней ревизоры прибыли в Казань. К концу года в Петербург начали поступать первые отчеты ревизоров с рекомендацией учредить в Казани Временный следственный комитет из представителей местного дворянства. И уже 5 февраля 1820 г. казанский гражданский губернатор И. А. Толстой был уволен с занимаемой должности высочайшим повелением. В тот же месяц была создана Временная комиссия для рассмотрения и «решения дел по следствиям, сенаторами производимым»[5]. Для ускорения эффективности ее работы министр юстиции объявил Сенату, чтобы поступающие из Комиссии в Сенат дела рассматривались вне очереди[6].

11 октября 1821 г. Сенат заслушал итоговый отчет сенаторов. К управлению губернией приступил новый губернатор — действительный статский советник Петр Андреевич Нилов (1771-1839). Он вступил в открытую конфронтацию с членами Временной комиссии, добиваясь ее упразднения. Узел противоречий завязывался все туже. Правительство отреагировало на это указом от 30 июня 1822 г. «для прекращения существующих по Казанской губернии злоупотреблений и беспорядков». В Казань было решено отправить тайного советника, сенатора Соймонова, наделенного правами генерал-губернатора. Ему предписывалось оставаться «до совершенного устройства той губернии»[7]. Временная комиссия была упразднена. В Комитете министров началось рассмотрение дела «Об увольнении казанского губернатора Нилова за упущения по управлению губернией». На смену Временной комиссии был учрежден Временный департамент палаты уголовного суда. Учитывая недавний негативный опыт, Комитет министров предложил, «дабы в делах сих не участвовал никто из чиновников и дворян Казанской губернии… определить в оный всех чиновников от правительства»[8].

Временный департамент палаты уголовного суда начал свою работу 6 февраля 1824 г. Рассмотрение дел было закончено к лету 1827 г. После смерти Соймонова в 1823 г. нижегородским, казанским, симбирским, саратовским и пензенским генерал-губернатором был назначен Алексей Николаевич Бахметьев (1774-1841), избравший местом своего пребывания Нижний Новгород[9].

Приведенная хроника событий демонстрирует масштаб и внимание властей к ревизии Казанской губернии. Если учесть, что с 1816 г. в правительстве активно обсуждался проект учреждения наместничеств, известный как «опыт А. Д. Балашова», то становится очевидным, что казанские события также следует рассматривать в русле этих преобразований местной системы управления.

Как правило, для производства сенаторских ревизий командировался один инспектор. На сто ревизий XIX в. было лишь пятнадцать случаев посылки двух проверяющих[10]. По-видимому, в таких случаях принимался во внимание объем предстоящей работы, а в случае возникающих трудностей можно было действовать сообща. Выбор сенаторов также не был случайным. Успешность ревизии во многом зависела от их компетентности, опытности, знания региона и даже от состояния здоровья. В данном случае Комитетом министров были предложены обер-прокуроры Апелляционного (Московского) департамента Сената Сергей Сергеевич Кушников (1765-1839) и Петр Львович Санти (1770-1821).

Итак, до начала ревизии С. С. Кушникову и П. Л. Санти были переданы для ознакомления 14 дел, содержащих жалобы и доносы по Казанской губернии, начиная с 1813 г. Эти документы находились в делопроизводстве Министерства внутренних дел. Следует отметить, что ни в одном из них не упоминались злоупотребления по дорожной повинности. В составленной сводке МВД значились: два доноса канцеляриста М. Иванова о злоупотреблениях по губернии, жалобы по ясачному ведомству о притеснениях со стороны исправников, жалоба татарина Назирова на мамадышского исправника и т. д. Документы по исполнительной части Министерства полиции были заранее сгруппированы. Каких-либо новых или неизвестных данных, кроме сведений Г. Н. Киселева, министерством не было выявлено. Губернатор И. А. Толстой был официально оповещен о доносе и о предстоящей ревизии. 19 августа Казанское губернское правление разослало сенатскую инструкцию в Казенную, Уголовную, Гражданскую палаты, в органы городского самоуправления для срочного составления необходимых ведомостей[11]. Следовательно, губернская администрация имела время подготовиться к приему столичных визитаторов, а сенаторы, изучая документы МВД, выстраивали концепцию проверки.

Сергей Сергеевич Кушников родился в семье провинциального чебоксарского помещика Сергея Александровича Кушникова. Его мать, Екатерина Михайловна, была сестрой известного историка и общественного деятеля Н. М. Карамзина, жена, урожденная Е. П. Бекетова, приходилась родственницей министру И. И. Дмитриеву. По окончании 1-го кадетского корпуса Сергей Сергеевич получил боевое крещение в Русско-турецкой войне 1787-1791 гг., служил адъютантом и порученцем А. В. Суворова, участвовал во всех его главных сражениях. В 1799 г. получил чин полковника, орден Святой Анны 2 степени, Святого Иоанна Иерусалимского и алмазные знаки к ордену Святой Анны. Впоследствии добровольно отправился с генералиссимусом в кобринскую ссылку. В 1800 г. вышел в отставку и определился к статским делам: в 1802-1804 гг. — санкт-петербургский гражданский губернатор, в 1807 г. председательствовал в Государственном совете Молдавии и Валахии, затем возвратился в московский Сенат[12].

Сенатор С. С. Кушников побывал в Казани еще в октябре 1815 г. Целью его поездки было открытие настоящей причины бывшего в городе пожара и «для ближайших на месте распоряжений ко введению порядка и к размещению и призрению погоревших жителей, равным образом и для рассмотрения, какое должно со стороны правительства оказать тамошним жителям вспоможествование…»[13]. В период первой казанской ревизии никаких особых замечаний или жалоб в адрес местного правительства не было выявлено. Тогда же и состоялось первое деловое знакомство С. С. Кушникова с гражданским губернатором И. А. Толстым, вступившим в свою должность за неделю до пожара. Повторное командирование С. С. Кушникова можно объяснить не только знанием местности, но и личной заинтересованностью. Согласно формулярному списку 1804 г. за ним числилось в Казанской и Уфимской губерниях 80 душ крепостных крестьян мужского пола[14].

Граф Илья Андреевич Толстой (1757-1820) — бывший флотский гардемарин, вышедший в отставку в чине бригадира Преображенского полка. Был женат на княжне Пелагее Николаевне Горчаковой. Женитьба оказалась выгодной — к трем имениям Толстого прибавилось еще девять и три винокуренных завода. Столичная знать хорошо знала графа — он был одним из старшин Английского клуба, служившего главным центром общественной жизни старой дворянской Москвы[15]. Лев Николаевич Толстой вспоминал о дедушке по линии отца: «Дед мой был, как я его понимал, человек ограниченный, очень мягкий, веселый и не только щедрый, но бестолково-мотоватый, а главное — доверчивый. В имении его Белевского уезда Полянах —

не Ясной Поляне, но Полянах — шло долго неперестающее пиршество, театры, балы, обеды, катанья, которые, в особенности при склонности деда играть по большой в ломбер и вист, не умея играть, и при готовности давать всем, кто просил, и взаймы, и без отдачи, а главное, [с] затеваемыми аферами, откупами, кончились тем, что большое имение его жены все было так запутано в долгах, что жить было нечем»[16]. Так Илья Андреевич прожил все и вынужден был через влиятельных родственников вновь хлопотать о службе. В 58 лет, не имея должного опыта, он стал казанским гражданским губернатором. Его губернаторство началось страшным пожаром, поглотившим большую часть Казани, что не предвещало хорошего начала, да и положение дел в губернии оказалось непростым.

Во время предыдущего правления обострились внутренние противоречия в губернской администрации, постепенно это приобрело форму противостояния местного дворянства и представителей «коронной» власти в лице губернаторов. Противоборство обострилось в 1814 г. после смерти гражданского губернатора Б. А. Мансурова. Первый конфликт произошел между губернским предводителем дворянства надворным советником Г. Н. Киселевым и вице-губернатором Ф. П. Гурьевым, исполнявшим обязанности гражданского губернатора. В 1815 г. в Казанской губернии на выборах баллотировались 14 представителей дворянского сословия на «общую по государству службу», но утверждены были только семеро из них. Руководствуясь законным правом, губернатор не утвердил отдельных кандидатов на должности исправников и чиновников земских судов. Это послужило поводом для жалоб губернского предводителя дворянства Г. Н. Киселева «о неутверждении губернским начальством избранных на следующее трехлетие чиновников», направленных в Сенат и другие ведомства[17]. Суть начавшегося конфликта заключалась в стремлении губернатора назначать на обозначившиеся вакансии профессиональных чиновников от правительства. Местным дворянством это было воспринято как ущемление корпоративных интересов. Если губернатор по каким-либо причинам не устраивал «благородное общество», не сумев выстроить личные отношения с предводителем дворянства, то для его удаления использовались все допустимые средства. В случае с Ф. П. Гурьевым Сенат принял сторону предводителя дворянства. 5 августа 1815 г. вице-губернатору было вынесено строгое замечание «за нанесение губернскому предводителю неудовольствия по выборам», что значительно усилило позиции местных дворян. Впоследствии Ф. П. Гурьев был уволен по обвинению в вымогательстве взяток[18]. Полагаю, в контексте описываемых событий, организация этого процесса не носила случайный характер.

Граф И. А. Толстой сразу оказался в центре конфликта местной знати и государевых лиц. Многих раздражал образ жизни нового губернатора, да и мотив его назначения казался очевидным. Вдохновителем и организатором оппозиционных настроений стал князь Дмитрий Васильевич Тенишев (1766-1829). По воспоминаниям В. И. Панаева, это был очень умный богатый дельный человек, имевший столичные связи и влиятельные знакомства[19]. Отец Д. В. Тенишева был известным казанским губернатором. Сам он после 14-летней службы в гвардейском Преображенском полку начал статскую службу в качестве казанского вице-губернатора, затем получил должность астраханского губернатора. Но его карьера была резко прервана отдачей под суд «за упущения по случаю эпидемии» в г. Астрахани. Через два года Сенат нашел его невиновным[20], но этот горестный урок несправедливой отставки оставил в нем недобрые воспоминания. Если учесть его богатейший административный опыт, затаенную обиду, конкурентное неприятие И. А. Толстого, то вполне можно предположить о претензии Д. В. Тенишева на казанское губернаторство.

Начиная с 1817 г., губернский предводитель Г. Н. Киселев постоянно направлял жалобы в Сенат, министру юстиции о прениях относительно отдельных кандидатов по дворянским выборам, о нарушениях указа о выборах 1803 г. Открытый конфликт между губернатором и предводителем дворянства произошел, по-видимому, на очередных дворянских выборах в марте 1818 г. В документах Сената об этом имеется ряд свидетельств: «У господина казанского губернского предводителя Г. Н. Киселева произошли с бывшим казанским гражданским губернатором неудовольствия, и от первого, то есть предводителя, сделан донос якобы о возникших по губернии злоупотреблениях от местного начальства»[21]; «господин Киселев, будучи во вражде с господином губернатором, употреблял все способы нанести всем служащим

под его начальством прискорбие или самое несчастие»[22]. Речь шла о назначенцах губернатора И. А. Толстого на вакантные места по дворянским выборам, об его окружении. В ходе казанской ревизии именно они пострадали больше других, так как проверка их деятельности осуществлялась с особым пристрастием.

Донос о нарушениях дорожной повинности в уездах Казанской губернии оказался хорошо продуманным. По всей России дорожная повинность была одной из самых тяжелых и «давала все способы к притеснению». Само существование барщины в пользу государства порождало произвол местных властей при раскладе повинностей. Не было никакой справедливости и порядка в распределении дорожной повинности между помещиками и крестьянами. Никто не следил за правильностью нарядов. Жалобы поступали в Петербург не только на губернаторов, практически вся деятельность губернских учреждений тех лет опутана паутиной доносов и апелляций. Доносительство для чиновного люда превратилось в своеобразный источник доходов.

Казанскую губернию от прочих отличал многонациональный состав населения. Не знающие русской грамоты инородцы были вынуждены для составления официальных бумаг обращаться с просьбами к платным посредникам. Такие услуги, как правило, оказывали чиновники, отрешенные от должности или находящиеся под судом. Одним из таковых был бывший мамадышский канцелярист Михаил Иванов. Находясь под судом, он нигде не служил, но оставался преуспевающим дельцом: жил богато, имел отличный выезд. Иванов организовал в Казани подобие адвокатской конторы, штат которой состоял из таких же, как и он, «знатоков крючкотворства». Собирая сплетни и даже клочки бумаги из кабинетных корзин, он был готов на клевету и шантаж, на необузданно лживый и ловко обставленный донос[23]. Перед нами типаж чиновника-дельца, превратившего свой профессиональный опыт в источник выживания. Иванов вел не один десяток подобных дел, из них по одиннадцати делам были вынесены сенатские приговоры. Как видно из документов, доносы Иванова лишь подлили масло в огонь. Источником возгорания стала взаимная неприязнь губернского предводителя Г. Н. Киселева и губернатора И. А. Толстого. Вольно или невольно в эту воронку противоборства теперь оказались втянуты и ревизоры от Сената.

С 12 октября 1819 г. С. С. Кушников и П. Л. Санти по пути следования начали осмотр Казанской губернии и только через десять дней прибыли в губернскую столицу. После осмотра документации губернского правления ими было принято решение об «организации особого расследования» по уездам губернии. Список следователей для производства дознания было поручено составить предводителю дворянства Г. Н. Киселеву. Таким образом, командированными следователями стали представители дворянской корпорации, по сути дела, инициировавшие саму проверку. Круг замкнулся. Изначально все эти мероприятия были не в пользу губернатора.

С октября 1819 г. по апрель 1820 г. 29 местных следователей по поручению ревизоров от Сената произвели предварительные дознания и вскрыли факты злоупотреблений, беспорядок в ведении дел, нарушения финансовой отчетности по уездам губернии. При этом 14 из делегированных дворян сами затем оказались под судом по причине предвзятости и медлительности ведения следственных дел[24]. Собранный материал лег в основу итогового отчета, представленного Сенату, затем последовало увольнение казанского гражданского губернатора. В тот же месяц по именному указу в Казани была создана Временная следственная комиссия[25]. Ее возглавил Д. В. Тенишев. Граф Илья Андреевич Толстой, не пережив тяжести предъявленных обвинений, скончался 21 марта 1820 г.

По существующей административной практике эффективность деятельности губернатора определялась состоянием дел в губернском правлении. Кроме губернатора в нем значились два советника, асессор и канцелярские служащие. При увольнении начальника губернии под суд попадали все чиновники местного правительства. Так как «дело губернатора Толстого» по причине его смерти так и не было заведено, рассмотрим обвинения, вынесенные по губернскому правлению в целом. Затем проследим по конкретным судьбам отдельных губернских чиновников справедливость снятия их с должностей.

Как известно, приговоры выносились Сенатом с учетом показаний обвиняемой стороны. В случае с графом Толстым этого не произошло. Разъяснения губернатора слабо просматриваются и в текстах ревизорских отчетов. В чем же суть обвинений губернского правления во главе с губернатором? Отчеты содержат следующие вы-

воды: «немалое число запущенных дел безгласно пропало в пожаре 1815 г.», существовало умышленное укрывательство документов, а в Мамадышский земский суд был утвержден исправником губернский секретарь Афанасьев, «сужденный Правительствующим Сенатом и прощенный только по манифесту». За этими обвинениями просматриваются доносы бывшего канцеляриста М. Иванова, творениями которого ревизоры активно пользовались. Обоснованным можно считать обвинение в адрес правления относительно отсутствия оценки кровельного железа, собранного с обгоревших казенных зданий после пожара. Но вместе с тем оно ясно показывает придирчивость ревизоров даже к мелочам. Упомянутые 229 нерешенных дел по губернскому правлению как упрек в медлительности работы — это серьезное формальное обвинение. И все же показатель «229 дел» — это упущение или норма для течения дел того времени? Чтобы ответить на этот вопрос, заглянем в отчет губернатора Б. А. Мансурова, в котором за 1807 г. он приводит следующие цифры: с 1806 по 1807 г. «осталось разного рода нерешенных — 303. К сему числу в 1807 г. вступило разных дел 404, составило 707 дел, из которых в истекшем году решено 298 к 1808 г. Нерешенных осталось — 509»[26]. Эта цифра дважды превышает число нерешенных дел, обнаруженных ревизорами С. С. Кушниковым и П. Л. Санти. В документах ревизии сенатора М. И. Донаурова в 1808 г. претензий к «медлительности» губернского правления не было. Его визит завершился без каких-либо кадровых перестановок. В «Историческом обзоре деятельности Комитета министров» приводится статистика нерешенных дел по другим губерниям. К примеру, ревизия Орловской губернии в 1816 г. выявила неоконченных дел — 16 185, из них сенатских — 525. Воронежскую губернию генерал-губернатор А. Д. Балашов нашел в лучшем виде, там оказалось нерешенных дел только 990[27]. По данным И. А. Блинова[28] в 1817 г. в губернских правлениях находилось нерешенных дел: 15 434 (в Курском), 13 535 (в Орловском), 11 442 (в Рязанском), 9 770 (в Тамбовском). Приведенная статистика демонстрирует, что на общероссийском фоне «казанские показатели» не подтверждают вывода ревизоров о «непомерных упущениях» и «страшной медлительности» течения дел губернского правления.

Большие нарекания у сенаторов вызвало состояние казанской полиции. По их мнению, о беспорядках в ней «не знали или знать не хотели ни губернское правление, ни губернский прокурор с губернскими стряпчими. Казанская полиция одна в полной мере доказывает их бездействие и невнимательность к должности». Этому утверждению противоречит в том же отчете ссылка на представление казанского губернатора в Министерство полиции от 5 августа 1818 г. Мне удалось найти это отношение в архивном деле, получившем название «Об устройстве полиции Казани и вообще о доходах и расходах сего города»[29]. Речь шла о назревшей необходимости увеличения штата казанской полиции с целью улучшения криминогенной ситуации в губернии. Губернатор И. А. Толстой выступил с инициативой уравнения городских повинностей, предложив установить единый сбор с оценки домов, лавок и мест по одному проценту с рубля. Этого сбора по его расчетам было достаточно для содержания необходимого числа полицейских чиновников. Предлагалось разделить город на пять частей и десять кварталов вместо трех частей по штату 1803 г. Для обоснования приводилась даже карта Казани, статистика роста населения, количество домов, динамика городских доходов. Одни только ведомости с таблицами заняли более двадцати страниц. Впрочем, тогда все это так и осталось на бумаге. В том же деле имеется запрос С. С. Кушникова и П. Л. Санти от 22 января 1820 г. на докладную губернатора[30]. К чести сенаторов они поддержали мнение И. А. Толстого о необходимости увеличить численность городской полиции.

Сохранился еще один запрос сенаторов в МВД «о лошадях для разъездов членов земского суда по Казанской губернии»[31]. В ходе ревизионной проверки губернскому правлению во главе с губернатором вменялось в вину превышение власти в связи с раздачей лошадей для разъездов земской полиции. Ревизоры выяснили, что в некоторых уездах Казанской губернии с 1806 г. без законного основания были заведены лошади для земской полиции, количество которых никто не регламентировал. В соответствии с утвержденным 14 июля 1816 г. расписанием повинностей было определено иметь для полицейских нужд не более трех пар лошадей в каждом уездном городе с содержанием по тысяче рублей каждая, но с оговоркой: «по усмотрению начальника губернии». Граф

И. А. Толстой в сентябре 1816 г. подал отношение в МВД с просьбой разрешить содержание большего числа лошадей, ссылаясь на территориальные пространства вверенной ему губернии. В полученном ответе говорилось, что назначение лошадей зависит от местной необходимости и находится в ведении «начальника губернии, наблюдая только, чтоб в этом случае не было допущено никакого излишества». Ревизоры обнаружили, что в настоящий момент «по каждому уезду находилось по 13 пар лошадей», а по некоторым уездам значилось и того больше. Видимо, губернатор вынужден был решать полицейскую проблему, полагаясь на министерский ответ. Но в условиях проверки ссылка на столичное письмо его не спасла.

Тексты ревизорских рапортов, состоящие из описания недостатков, упущений, злоупотреблений по Казанской губернии, сводятся к одному выводу — губернатор И. А. Толстой не соответствовал занимаемой должности. Основная причина тому виделась в отсутствии надлежащего надзора над уездными и земскими властями, в игнорировании решений дворянского депутатского собрания. Безусловно, по результатам такой ревизии, когда под следствием оказалось 1 200 человек[32], трудно себе представить иной участи для губернатора. В то же время с правовой позиции предъявленные И. А. Толстому обвинения не были доказаны судебным порядком.

Для бывшего губернатора и его потомков, пожалуй, самым тяжким обвинением значилась «причастность к взяткам, по показаниям, отобранным от поселян»[33]. В этой связи стоит отметить, что за пятилетнее губернаторство материальное положение семейства Толстых так и не улучшилось, а после ревизии их уже ожидало разорение. Семья бывшего губернатора была вынуждена компенсировать обнаруженную недостачу сумм по губернской канцелярии и по Приказу общественного призрения. В мае 1820 г. новый губернатор П. А. Нилов сообщил в МВД, что движимое имущество бывшего губернатора описано в счет указанной суммы и находится под присмотром полиции, имение же в Тульской губернии еще не продано[34]. Позже его продадут в счет погашения сумм, числящихся по Казанскому приказу общественного призрения. Официальным путем под «частную расписку» Толстой получил со счетов этого приказа 5 тыс. руб. На момент смерти долг не был возвращен. Общая сумма взыскания по этому учреждению составила 23 566 руб. 8 1/4 коп. Общая растрата распределялась между бывшим губернатором, дворянским заседателем Петровым и двадцатью чиновниками. В результате было взыскано 10 087 руб. 3 3/4 коп. с продажи имений графа Толстого и заседателя Петрова. Остальная сумма недоимки 13 479 руб. 1/2 коп. была списана со счетов Казанского приказа по инициативе губернатора С. С. Стрекалова только в 1838 г.[35] Если допустить, что И. А. Толстой, пользуясь служебным положением, брал «неимоверные взятки», то какой смысл ему было оформлять долговую расписку? В семье Толстых относительно административной честности Ильи Андреевича имелось свое мнение. «Дед, — пишет Л. Н. Толстой в “Воспоминаниях”, — как мне рассказывали, не брал взяток, кроме как с откупщика, что было тогда общепринятым обычаем, и сердился, когда их предлагали ему…»[36].

В сенатском архиве отложился любопытнейший документ под банальным заголовком: «Дело Департамента Министерства юстиции»[37]. В нем содержится оправдательное решение Временного департамента Казанской уголовной палаты от 2 июня 1826 г. Оправдывались «взяткодатели» Свияжского уезда, обвиненные в ходе ревизии 1819 г. командированными следователями Рудневым и Филипповичем. В марте 1826 г. 22 служилых татарина д. Бурундук Большекушмановской волости, 15 человек с. Утякова Кургузинской волости, 75 ясачных крестьян с. Майданы Майдановской волости на многочисленных очных ставках с деревенскими выборными представителями о злоупотреблениях по рекрутскому набору дружно отрицали дачу взяток для дальнейшей передачи губернатору, прокурору и другим должностным лицам. В деле разбирался пример по первоначальному обвинению жителей д. Бурундуки. На них был наложен один рекрут, за которого якобы было выплачено 975 руб., из них 400 руб. — чиновнику Карманову для дальнейшей передачи губернатору, прокурору и др. Большинство показаний крестьян на очных ставках сводились к одному — они никогда не располагали подобными суммами (до тысячи рублей за одного рекрута), поэтому и взяток давать не могли. Конечно, можно предположить массовый сговор крестьян Свияжского уезда. Но в это трудно поверить, ведь такие же крестьяне Столбищенского уезда на протяжении шести лет с завидным постоянством утверж-

дали факты «о лихоимственном вымогательстве у них денег» со стороны советника Казенной палаты. Они подтверждали это в 1820 г. сенаторам, в 1822 г. членам Временной казанской комиссии и в 1825 г. Временному департаменту. Свияжские же крестьяне из разных деревень отказывались от факта дачи взяток представителям губернской администрации, выражая при этом общее удивление относительно появления их показаний в документах следователей Руднева и Филлиповича. Эти свидетельства наводят на мысль о преднамеренном ложном обвинении во взятках губернатора, губернского прокурора и других местных чиновников. В сложившейся обстановке нетрудно догадаться, в чьих интересах это делалось, более того, против предвзятого ведения дознания командированными Рудневым и Филлиповичем позднее было возбуждено уголовное дело.

Через шесть лет судебного разбирательства общее собрание Московского департамента Сената утвердило оправдательное решение по делу, но в нем не было и речи об опороченном имени губернатора И. А. Толстого. Вследствие существующей практики российского судопроизводства оправдательный финал по обвинению казанского губернатора в «причастности к взяткам» был предан забвению. Громкий голос подозрения и обвинения был услышан и использован, а тихие нотки установленной невиновности потухли в делопроизводственной рутине, в пыли столичных архивов. До сих пор в исторической литературе за именем губернатора И. А. Толстого тянется шлейф обвинений во взятках со ссылкой на заключения ревизоров. Между тем в судопроизводстве уже тогда имелись факты «пристрастности» сенатских ревизоров, о которых упоминалось и в именном указе Государственному совету[38].

Анализ дальнейшего развития событий лишь укрепил мои подозрения о предвзятости и тенденциозности ревизорской инспекции. До окончания своей миссии С. С. Кушников и П. Л. Санти просили императора «учредить особенный комитет, который бы составлен был не из должностных в губернии чиновников», а из «почетнейших дворян здешней губернии, для расследования всех дел по учиненной ревизии»[39]. Приверженность Александра I идее содействия общества государственному управлению способствовала поддержке этого проекта. Но применительно к казанской ситуации эта практика оказалась неэффективной и даже ошибочной. «Почетнейшие дворяне» на деле не торопились поддержать инициативу верховной власти скорейшего завершения расследования. Команду князя Д. В. Тенишева составили его бывшие подчиненные по Астрахани — статский советник Лохтин, коллежский советник Куклин и титулярный советник Афанасьев. Кроме них в комиссию вошли: коллежский советник Попов, полковник Мергасов и подполковник Евсевьев. Все перечисленные ревизовали уездные учреждения в качестве следователей. Ревизия принесла желаемые результаты: был смещен неугодный губернатор, изменен руководящий состав губернской администрации, от которых зависели судьбы отданных под суд.

Прибывший в Казань П. А. Нилов был настроен на активное противоборство лидерам «дворянской партии» — председателю следственной комиссии князю Д. В. Тенишеву и губернскому предводителю Г. Н. Киселеву.

Прежде всего П. А. Нилов решил довести до конца дело канцеляриста Михаила Иванова. В результате дознания последний сознался, «что к доносительству его привлекли ныне покойный председатель Уголовной палаты Сокольский и титулярный советник Апехтин. Когда же у дворянства с местным правительством сделалось сильное неудовольствие, тогда господа губернский предводитель Киселев, Лохтин, Апехтин и Афанасьев (служащий ныне в составе комиссии) велели ему сделать донос о мостах, дорогах, канавах и столбах, после чего последовал донос от предводителя дворянства графу Аракчееву. При назначении чиновников для сенатской ревизии Г. Н. Киселев “назначал ему нужных”, в том числе и все того же Лохтина, который прибегал к услугам губернского регистратора Столбовского»[40]. Из этого признания становится очевидным участие одних и тех же лиц в доносе на губернатора И. А. Толстого и в организации расследований ревизии.

Судьба Временной казанской комиссии была решена 15 апреля 1822 г. после обсуждения в Комитете министров донесения казанского губернатора «О беспорядках и злоупотреблениях по Казанской губернии»[41]. Через четыре месяца комиссия была официально ликвидирована. П. А. Нилову удалось организовать досрочное переизбрание губернского предводителя дворянства Г. Н. Киселева и выслать М. Иванова в Сибирь. Но отношения между губер-

натором и местным дворянством не наладились, не сложились они и с сенатором Соймоновым, главным образом, поэтому П. А. Нилов вскоре покинул Казань.

Кончина губернатора И. А. Толстого решила многие проблемы, кроме одной — возможности реабилитировать себя и губернское правление. Этим вынужден был заняться губернский советник Савва Андреевич Москатильников (разночинец по происхождению, масон, известный казанский литератор, человек безукоризненной честности и твердых нравственных принципов). Во всех доносах его имя фигурировало вместе с И. А. Толстым. Как юрист-практик, он изначально осознавал опасность развития сенатской проверки в условиях противостояния и сведения личных счетов. С. А. Москатильников превентивно поспешил подать в отставку, но это ему не помогло. Весь состав губернского правления был отдан под суд. По прошествии тринадцати лет он напишет об этих событиях: «…я имел несчастье при обревизовании в конце 1819 года и в начале 1820 годов гг. сенаторами Казанской губернии по стечению обстоятельств подвергнуться неприятностям. Не помогли мне ни правота моя, ни мое недостаточное состояние, как очевидный признак беспорочной службы моей. Не помогли, потому что я имел недоброжелателей! Желая успокоить их, я просил отставки, но мне и в заслуженном чине статского советника отказано, и указа об отставке не объявлено, и паспорта не дано»[42]. Он осознавал, что его недоброжелателями являются люди из окружения князя Д. В. Тенишева, влияние которых «на обревизование губернии не скрылось от наблюдательного ока верховной власти: следственная комиссия в 1822 году была упразднена». Защищая себя, С. А. Москатильников составил записку, содержащую подробнейший разбор всех пунктов предъявленных губернскому правлению обвинений. Она была подана сенатору Соймонову, но не дошла до Петербурга, так как осталась погребенной в бумагах сначала палаты уголовного суда, затем Временной комиссии и Временного департамента. Затем С. А. Москатильников письменно обратился к императору с просьбой рассмотреть представленные им оправдания и предоставить ему возможность продолжить службу, так как кроме службы средств к существованию у него не было. Прошение было передано в Комитет министров. Затем через министра юстиции предложено губернскому прокурору незамедлительно приступить к окончанию его дела. Начавшееся разбирательство, безусловно, выходило за рамки конкретной судьбы отдельного чиновника.

К этому времени Александр I уже знал о параличе власти, случившемся в Казани. Этому способствовали личные встречи с обер-гофмейстером бароном Петром Романовичем Альбедилем и казанским губернатором П. А. Ниловым. П. Р. Альбедиль был доверенным лицом императора. В 1801 г. ему было поручено ревизовать казанскую полицию. Тогда-то и произошла его встреча с С. А. Москатильниковым. В архиве краеведа Н. Я. Агафонова сохранилось любопытное письмо. В этом письме Москатильников пишет своему влиятельному покровителю: «Девятнадцатый уже истекает год, как Ваше превосходительство отыскали меня в казанском моем уединении и употребили при возложенном на Вас от августейшего монарха поручении открыть убийство несчастной жертвы в Казани. Я сам тогда стенал под железным игом угнетающего меня неправосудия, но Вы простерли ко мне благодетельную руку и милостью государя императора изменили судьбу мою. Я помню обещание, излившееся от чувственного сердца Вашего, что Вы будете всегда моим благодетелем, но до сих пор не хотел быть в тягость великодушнейшему из человеков. Ныне гонит меня мщение, и эпоха казанских пыток слилась чрез неприметные переходы с эпохой казанских доносителей. Многие случаи соединились между собой…»[43]. Из этого письма становятся ясны мотивы участия этого влиятельного царедворца в судьбе человека, нравственность которого не вызывала у него сомнений по прошествии двух десятков лет.

Повезло С. А. Москатильникову и с губернским прокурором. В этой должности был Г. И. Солнцев, знавший советника по университетскому кругу знакомств как человека просвещенного. Заинтересованность прокурора в справедливом исходе дела можно уловить в текстах его рапортов министру юстиции, где за сухим изложением текущей делопроизводственной ситуации проявилось его личное участие. К примеру, в рапорте от 30 июня 1826 г. он пишет: «Не излишним считаю донести Вашему сиятельству об особенном обстоятельстве по делу просителя Москатильникова, он в оправдательной записке своей, ныне при делах во Временном департаменте па-

латы хранимой, обвиняет самих господ сенаторов, пристрастно якобы ревизию производивших, и [говорит] о ревизионных операциях господ сенаторов. Высочайшею доверенностью облеченный Временный департамент Уголовной палаты, по мнению моему, не может и входить в суждение, кроме только об одних действиях его, Москатильникова, и других бывших губернского правления членов, господами сенаторами обнаруживаемых. Оправдание же его, Москатильникова, против господ сенаторов подлежать должно рассмотрению самого Правительствующего Сената»[44]. Далее сообщалось, что копия означенной записки приобщена к делу, которое подготовлено для рассмотрения в Сенате, а вот подлинник был передан министру «на начальственное благоусмотрение». Вот таким образом официальное заявление С. А. Москатильникова о предвзятости сенаторов и тенденциозности ревизии наконец-то дошло до своего адресата. Теперь Сенату предстояло решать правомерность предъявленных доводов. Но гласного разбирательства проведено не было. По Манифесту 22 августа 1826 г.[45] по случаю коронации Николая I все чиновники Казанской губернии, находящиеся под следствием, «не заключавшим в себе смертоубийства, разбоя, грабежа и лихоимства», были помилованы. Вопрос о предвзятости ревизии был снят и постепенно забыт.

Для бывшего губернского советника С. А. Москатильникова различия между понятиями «оправдан» или «помилован» имели принципиальное значение. В его формулярном списке за 1832 г. в графе «был ли под судом» читаем: «По случаю сочтения его от гг. сенаторов, ревизовавших в 1819-1820 годах Казанскую губернию, участвовавшим в найденных ими беспорядках по губернскому правлению предан был суду, но впоследствии решением Сената как оказавшийся непричастным ни к каким злоупотреблениям и упущениям от суда и следствия оставлен свободным с тем, чтобы время невинной бытности его под судом зачтено ему было в действительную службу»[46]. При поддержке военного губернатора С. С. Стрекалова ему и бывшему асессору губернского правления Половинкину удалось вытребовать у министра финансов жалованье за все годы их несправедливого осуждения. По решению Правительствующего Сената практически все чиновники Казанской губернской администрации по расследованию итогов ревизии были оправданы, либо всемилостивейше прощены[47].

Пользуясь случаем, в надежде на пересмотр причин своего увольнения бывший казанский губернатор П. А. Нилов в 1827 г. также обратился к А. Х. Бенкендорфу. Его записка содержала анализ хода ревизии по прошествии пяти лет со времени его отрешения от должности. Экс-губернатор писал: «Прежде по одним умственным заключениям, а потом и по самым событиям обнаружилось: 1). Что хотя по Казанской губернии действительно злоупотребления происходили. Но, по существу, их не настояло никакой надобности выводить… из общего порядка, представленного законами на суждение подобных дел. 2). Что из числа доносов, поставленных на вид правительству, способ дальнейшего открытия некоторых из них обнаружил в самих доносителях не только отдаление от цели благонамеренной, но наклонность употреблять средства, находить для своих выгод зло там, где его и не существовало. Наконец: 3). Что вообще учреждение Временной комиссии… раскрылось превратным домогательством князя Тенишева и его сообщников…»[48]. Таким образом, бывший губернатор, пережив ситуацию изнутри, официально заявил о преднамеренном преувеличении «всеобщих злоупотреблений» по Казанской губернии и несоответствии примененных ревизорами репрессивных мер реальному положению дел.

При изучении архивных материалов сенатской ревизии меня не покидал вопрос о причинах столь суровой расправы над губернатором и членами губернского правления. Предположение о личной, корыстной заинтересованности инспекторов получило подтверждение в материалах статьи профессора В. Ф. Залесского «Гражданская практика Казанских судебных установлений первой четверти XIX столетия»[49]. В разделе о «предвзятости и небескорыстии» казанских судей в качестве примера автор приводит разбор судебной тяжбы между наследниками помещика С. С. Кушникова. Уместно напомнить, что сенатор С. С. Кушников имел к этому делу непосредственное отношение. Из архивных документов следует, что его дед после своей кончины оставил движимое и недвижимое имущество сыновьям — Василию, Павлу и Сергею. После смерти Сергея его доля отходила сыновьям, одним из которых и был Сергей Сергеевич Кушников[50]. Согласия в разделе имущества наследники так и не на-

шли, между ними произошли серьезные разногласия, дошедшие до Сената. Указом 14 февраля 1796 г. казанской палате гражданского суда предписывалось имение Кушниковых взять под опеку и произвести раздел судебным порядком, так как двухлетний срок полюбовного раздела истек. В. Ф. Залесский сделал предположение, что Кушниковы, испугавшись, «приняли соответствующие меры в отношении секретаря суда, а может быть, и членов, потому что уездный суд стал всячески оттягивать исполнение указа Сената». Прошло шесть лет, и в 1817 г. Казанская гражданская палата, возглавляемая статским советником Пыхачевым, вновь сделала напоминание, но, не получив ответа, послала подтверждение в 1819 г. в губернское правление, следившее за выполнением сенатских указов, потребовала немедленного исполнения, но от уездного суда было получено донесение о пропаже дела. В марте 1822 г. из Чебоксарского уездного суда палатой была получена бумага следующего содержания: «Как со времени обращения из палаты в оный суд о имении Кушниковых дела, то есть с 29 числа июня 1811 года, в течение с лишком десяти лет никто из участвующих по тому делу наследников Кушниковых о разделе между [н]ими того имения хождения и иску в оном уездном суде не имел, из чего следует заключить, что оное имение между [н]ими разделено полюбовно, то уездный суд как по сему, так и по неизвестности, где состоит имение Кушниковых, подлежащее в раздел, и где находятся Кушниковы, между коими следовало разделить имение, не имея возможности приступить к выполнению предписания сей палаты, полагает производство по означенному делу остановить». Если учесть, что все эти события разворачивались на фоне доносительств и сенатской ревизии, возглавляемой лицом, непосредственно заинтересованным в нужном исходе семейного дела, то проясняются и многие детали развития самой проверки. Становится понятным, почему осмотр начался с Чебоксарского уезда, отчего исправник этого уезда Д. Томилин подвергся самому суровому наказанию — лишению чинов и дворянства с высылкой в Сибирь, почему после удаления председателя Гражданской палаты Пыхачева, обвиненного сенаторами в чрезмерном накоплении — 211 дел, ее возглавил (с 1820 по 1823 г.) Лохтин, ревизовавший все тот же Чебоксарский уезд. Теперь доводы бывшего губернатора П. А. Нилова о том, что злоупотребления по Казанской губернии умышленно преувеличивались, приобретают иное звучание.

Ревизия 1819-1820 гг. нанесла ощутимый удар по кадровому составу губернской администрации. По уточненным подсчетам число отданных под суд достигло 1 307 человек за вычетом недолжностных лиц — 822 человека, из них 321 служили в губернских и уездных учреждениях, и только около 200 состояли на государственной службе[51]. Судебному наказанию были подвергнуты 82 человека. В основном это были чиновники уездного и волостного уровня. Как уже отмечалось, практически все губернские учреждения были «обезглавлены». В ожидании своей участи многие покинули Казань, кто-то умер от старости и болезней, не дождавшись развязки событий, некоторые упорно добивались реабилитации, а в результате их места уже были заняты другими чиновниками. Карательная миссия ревизоров лишь усугубила кадровую проблему нехватки профессиональных чиновников, ничего не предложив взамен. Возможно, поэтому Казань в следующие шестьдесят лет не подвергалась никаким сенаторским проверкам.

Ревизия была организована в интересах отдельных представителей местного дворянства, желавших сместить местное правительство во главе с губернатором И. А. Толстым. Тенденциозность самих ревизоров ставит под сомнение итоги всей проверки. Обвинения, предъявленные губернатору, остались недоказанными судебным порядком. Настало время снять «подозрения во взятках с поселян» с графа И. А. Толстого и переосмыслить оценку его губернаторства, основываясь на архивных материалах, а не на мифах, созданных исследователями минувших веков.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Загоскин Н. П. Казанский разгром 1819-1820 годов // Волжский вестник. – 1892. – № 157; Бирюков Н. И. Лев Николаевич Толстой. Биография. – М., 1923. – 242 с.; Гусев Н. Н. Жизнь Льва Толстого. Молодой Толстой (1828-1862 гг.). – М., 1927. – 456 с.; Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы биографии с 1828 по 1855 год. – М., 1954. – 720 с.; Пономарев П. А. Казанский губернатор граф Толстой // Казанский телеграф (подшивка за 1904-1905 гг.); Гарзавина А. Реабилитация через полтора века // Советская Татария. – 1989. – 5 февраля; Хайрутдинов Р. Р. Управление

государственной деревней Казанской губернии (конец XVIII — первая треть XIX вв.). – Казань, 2002.– 224 с.
2. Дубровин Н. Ф. После Отечественной войны (Из русской жизни в начале XIX века) // Русская старина. – 1903. – Ноябрь-декабрь.
3. В том числе и дело «Об упущениях и беспорядках, замеченных ревизовавшими Казанскую губернию сенаторами в 1822 году» (ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. № 2079).
4. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 185, л. 114-115.
5. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). – СПб., 1830. – Собр. 1-е. – № 28167.
6. Там же. – № 27716. (Н. П. Загоскиным впервые обнаружено, что в Полном собрании законов Российской империи перепутан год указа).
7. ПСЗ. – Собр. 1-е. – № 29098.
8. Там же. – № 29376; 29480.
9. Пупарев А. Казанские губернаторы. – Казань, 1856.– 23 с.
10. История Правительствующего Сената. – СПб., 1911. – Т. 3. – С. 632.
11. НА РТ, ф. 114, оп. 1, д. 243, л. 10.
12. Шилов Д. Н. Государственные деятели Российской империи 1802-1917: Библиографический справочник. – СПб., 2002. – С. 400-402.
13. РГИА, ф. 1341, оп. 17, д. 567, л. 2.
14. Там же, ф. 1286, оп. 1, д. 117, л. 76-79.
15. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии… – С. 18.
16. Там же. – С. 20.
17. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 32, л. 1-59.
18. Там же, оп. 2, д. 46, л. 1-49.
19. Воспоминания В. И. Панаева // Вестник Европы. – 1867. – Т. 4. – С. 114.
20. Архив Государственного совета. Т. 3. Царствование императора Александра I (1801-1810). – СПб., 1878. – С. 124-128.
21. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 636, л. 2 об.
22. Там же, д. 633, л. 2.
23. Пономарев П. А. Казанский губернатор граф Толстой // Казанский телеграф. – 1904. – № 3605. – 25 декабря.
24. ГА РФ, ф. 109. 1 экспедиция 1831 г., д. 529, л. 139-141.
25. ПСЗ. – Собр. 1-е. – № 28167.
26. РГИА, ф. 1281, оп. 11, д. 49, л. 166 об.
27. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности Комитета министров. – СПб., 1902. – Т. 1. – С. 451-452.
28. Блинов И. Отношения Сената к местным учреждениям в XIX веке. – СПб., 1911. – С. 77.
29. РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 308, л. 1-43.
30. Там же, л. 41-43.
31. Там же, д. 218, л. 1-29.
32. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 731, л. 1.
33. Там же, ф. 16, оп. 22, д. 9, л. 28.
34. РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 181, л. 75-79.
35. НА РТ, ф. 168, оп. 2, д. 351, л. 1-3.
36. Гусев Н. Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии… – С. 24.
37. НА РТ, ф. 168, оп. 2, д. 144, л. 1-19.
38. ПСЗ. – Собр. 1-е. – № 26023.
39. РГИА, ф. 1286, оп. 2, д. 181, л. 20-22.
40. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 653, л. 243-244.
41. РГИА, ф. 1263, оп. 1, д. 289, л. 350-413.
42. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 1047.
43. Записки Н. Я. Агафонова (ОРРК НБЛ КГУ, ед. хр. 216, л. 1324).
44. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 794, л. 31-31об.
45. ПСЗ. – СПб., 1867. – Собр. 2-е. – № 549.
46. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 1018, л. 4-6.
47. Там же, д. 797.
48. РГИА, ф. 1286, оп. 4, д. 728, л. 7.
49. Залесский В. Ф. Гражданская практика Казанских судебных установлений первой четверти XIX столетия // Журнал Министерства юстиции. – 1905. – № 4 (апрель). – С. 181-184.
50. НА РТ, ф. 168, оп. 1, д. 81, 100.
51. Хайрутдинов Р. Р. Указ. соч. – С. 149-150.

Алсу Бикташева,
кандидат исторических наук